

7. Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в.: энциклопедический словарь. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1006 с.
8. Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Введение в этноархеологию: учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск: Изд. дом «Наука», 2009. Т. 11. С. 79–125.
9. Живем Крапивинской судьбой: Очерки истории Крапивинского района. Новосибирск: ЦЭРИС, 2004. 480 с.
10. Культура населения XVI–XIX вв. как основа формирования современного облика народов Сибири / С. Ф. Татауров, Н. А. Томилов, С. С. Тихонов, К. Н. Тихомиров, М. А. Корусенко, Е. Ю. Смирнова. Омск: Изд. дом «Наука», 2005. 268 с.

DOI 10.37386/2687-0584-2022-17-267-276

УДК 94 (575.1)

Ю. Н. Цыряпкина

Национальная политика в суверенном Узбекистане: идеология, стратегии и практики реализации

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются основные принципы, стратегии и практики реализации национальной политики Республики Узбекистан. Показано, что основным содержанием идеологии суверенного государства стали процессы «национального возрождения», в рамках которых выделялись следующие аспекты: признание узбекского языка государственным, критика наследия Российской империи и СССР, латинизация узбекского алфавита, десоветизация общественного пространства и др. В статье доказывается, что процесс формирования национальной идеологии в Узбекистане оказался консервативным по сложившимся еще в советское время практикам: светский характер государства, ислам оставался в сфере бытовой культуры, деятельность национально-культурных объединений и формирование толерантного общества. При этом суверенизация запустила процессы ретрадиционализации, основное содержание которой совпало с советскими ценностями (коллективизм, патернализм). **Ключевые слова:** *Узбекистан, национальная политика, традиционализм, светский характер государства, толерантность.*

Суверенизация и формирование национального курса Республики Узбекистан в период независимости тесно связаны и обусловлены политическими процессами в позднесоветский период, главными из которых стало усиление политического контроля Москвы в 1980-е гг., инициированное прокурорскими проверками из Центра («хлопковое дело»). В период гласности и плюрализма с 1987 г. в Узбекской ССР началась консолидация местных политических элит и их дистанцирование от союзного центра [1, с. 59], что спровоцировало усиление антисоветских настроений [2]. Взрыв национального самосознания и осо-

бая политическая ситуация в Узбекской ССР накануне распада СССР определили бурные дискуссии в обществе, на страницах журналов и газет. На научных и общественно-политических форумах обсуждались все проблемы социально-экономического и культурно-идеологического развития государства. В общественном дискурсе присутствовала откровенная критика советской политики в отношении союзных республик, в том числе Узбекской ССР, критика позиций «старшего брата», в лице которого обличалась в целом политика союзного центра [3, с. 182]. Негативным оценкам была подвержена траектория экономического развития Узбекской ССР с формированием монокультуры хлопка и преимущественным развитием добывающих отраслей промышленности [4, с. 18]. Критика советской политики предопределила обращение к идеям пантюркизма как одному из элементов «национального возрождения» и внешнеполитической переориентации на Турцию в конце 1980-х гг. и в период независимости. Одним из значимых решений в ходе сближения с Турцией в начале 1990-х гг. становится реформа графики узбекского языка и ее перевод на латиницу. Идея латинизации узбекского алфавита активно продвигалась национальной интеллигенцией и вписывалась в политику культурного возрождения.

В рамках разработки национальной программы Узбекистана после распада СССР учитывалась этнодемографическая структура республики и накопившиеся социально-экономические проблемы. Узбекистан являлся полиэтничным государством, по данным последней советской переписи 1989 г. в республике проживало 19 810 077 человек, среди которых узбеков насчитывалось 14 142 475 (71,39%), русских – 1 653 478 (8,35%), таджиков – 933 560 (4,71%), татар – 467 829 (2,36%) и др. [5]. Наиболее сложное социально-экономическое положение наблюдалось у жителей сельской местности, переживавших демографический взрыв. В момент распада СССР до 54% молодежи в сельской местности были безработными [4, с. 19]. Возникшие в конце 1980-х гг. различные общественные организации, в том числе и политические «Бирлик» и «Эрк» в своей повестке ориентировались как раз на наиболее социально-экономически уязвимую часть общества – на узбекскую сельскую молодежь. В идеологической платформе данных организаций присутствовало обсуждение важнейших вопросов экологии, обмеления Аральского моря, негативного воздействия монокультуры хлопка на сельское хозяйство. Активисты «Бирлик» и «Эрк» принадлежали к национальной интеллигенции, требовавшей возрождения национальной культуры, языка, традиций и др. [6, с. 151].

Запущенные процессы национального и культурного возрождения способствовали разрушению прежней советской идеологической

доктрины интернационализма; эти годы стали временем национального самоопределения, ретрадиционализации социокультурной жизни, официального признания (в 1989 г.) узбекского языка государственным.

Для легитимации идей независимости, которые легли в основу национальной идеологии первого президента И. А. Каримова, стала формироваться коллективная идентичность и целенаправленная политика памяти [7], представлявшая собой один из вариантов символического абстрагирования от наследия Российской империи и СССР.

Ключевой исторической фигурой в период суверенитета становится выдающийся полководец средневековья Тамерлан (в Узбекистане Амир Тимур. – Ю. Ц.), который создал огромную империю Мавераннахр со столицей в Самарканде. Его исторические подвиги становились отсылкой к доблестному узбекскому прошлому [8, с. 135]. Фигура Тамерлана привлекалась в качестве нового символа и была призвана заполнить идеологический вакуум, образовавшийся после распада СССР.

Одним из механизмов формирования новой национальной идеологии стала «ревизия» исторических оценок имперского и советского периода развития региона. Хотя в идеологии всех центральноазиатских республик присутствует критика имперского прошлого, однако версия истории региона у каждой центральноазиатской республики своя, «национальная», на которую влияет и развитие двусторонних отношений с Россией, политический запрос и другие факторы. «Узбекоцентричная» версия истории Туркестана в XIX – начале XX в. носила наиболее «обвинительный» характер в 1990-е – начале 2000-х гг., что четко прослеживалось в публикациях отдельных узбекских авторов [9].

Вышеобозначенные процессы «национального возрождения» спровоцировали рост узбекского бытового национализма и националистические настроения в обществе. Опрошенные респонденты во всех городах подтверждали, что в период подъема национального самосознания в начале 1990-х гг., среди молодежи особенно распространялись высказывания против русских и русского языка. Из интервью О.: «Р.: <...> нет, ну в 1990-х, знаешь, когда стало немножко меняться, вот в 1993–1994 годах я даже очень помню, как я боялась ездить одна с Куйлюка (окраина Ташкента. – Ю. Ц.) домой (имеет в виду Красногорск, город в Ташкентской области в 54 км от Ташкента. – Ю. Ц.). Вот этот национализм как попер, самосознание: „Мы – узбеки“. На принцип говорили, вот как рассказывали, как в Прибалтике, узбеки тоже на принцип по-русски не разговаривали. Все на принцип по-узбекски. Все так было агрессивно даже, вот это чувствовалось. И типа: «Езжай

в свою Россию! Там твои порядки русские!» Вот такие фразы звучали. И.: Ты лично это слышала? Р.: Да, конечно, там были всякие моменты, и, кстати, со стороны молодежи в основном. Со стороны взрослого населения – реже, и они более даже ругали молодежь: „Ты заткнись там, нельзя так разговаривать“» [10].

Рост узбекского бытового национализма был связан с трудностями социально-экономического положения сельского населения. В начале 1990-х гг. экономические проблемы распада единого народнохозяйственного комплекса СССР, множество неразрешенных социальных проблем (инфляция, рост цен, переход на сум-купоны и др.) привели к антиправительственным выступлениям. Наиболее крупным выступлением стали волнения студентов 16 января 1992 г. в ташкентском Вузгородке, спровоцированные резким подорожанием хлеба. Один из очевидцев событий, журналист Рауф Оруджев, проживавший в общезжитии вузгородка, отмечал: «На трассе, разделяющей Вузгородок на две части и ведущей в Медгородок, собравшаяся толпа практически перекрыла движение, все кричали только о хлебе. <...> Кто-то попытался поднять тему национализма, заорав „Йуколсин уруслар!“ („Долой русских!“), но его быстро заткнули» [11].

Проявления национализма в Узбекистане в начале 1990-х гг. чаще всего носили бытовой характер, но практически в каждом интервью респонденты из разных городов указывают на эту особенность периода «национального возрождения» в начале 1990-х гг. В интервью Т. приводится пример бытового национализма в Ангрене: «...уже где-то 1988-й год, тогда Ферганские события были там (Ферганские события 1989 г. – Ю. Ц.), вот после этих событий... потом 90-е годы, потом 91-й год – развал Союза, тогда вот даже нам <...> с работы едешь в автобусе даже, ну, знаете, вот такие вот безграмотные люди (имеет в виду людей с националистическими взглядами. – Ю. Ц.), не разрешали даже на русском языке нам разговаривать. Много русских сразу стало уезжать. Много-много уехало русских. И специалисты вот с ГРЭСа (Ангренская ГРЭС. – Ю. Ц.) много поехали, потом вот в Москве заказ делали вот за доллары, там ремонтировали котлы, да все...» [12].

Для части населения Узбекистана суверенизация стала периодом надежд на дальнейшее успешное самостоятельное развитие, избавление от гнетущего советского наследия. В интервью В. раскрывается, какими были ожидания, господствовавшие в начале 1990-х гг. в Ташкенте: «...Дело в том, что в этой ситуации, которая сложилась в Узбекистане того времени, я хорошо помню эти первые годы независимости, когда по коридорам института бегали наши профсоюзные боссы, и некоторые мои даже друзья и товарищи кричали: „Все! Мы теперь не будем

Россию кормить, мы теперь будем независимы, мы будем богатеть!» [13]. В целом это стало общей чертой, когда в общественном климате в республиках региона была чрезвычайно распространена проекция социально-экономических проблем и трудностей на советское наследие и на «доминировавшую» в СССР этническую группу – русских [14, с. 12]. Необходимо отметить, что первый агрессивный всплеск национального самосознания на волне независимости быстро закончился, в том числе благодаря авторитарному характеру власти в республике, который постепенно укрепляется с середины 1990-х гг. В Узбекистане идеологическим объяснением авторитаризма становится концепция «сильного государства» [15, с. 49], которая обосновывается как необходимое условие развития успешного государства.

Укрепление проекта нации-государства в суверенном Узбекистане в какой-то степени является проекцией советского периода. В суверенном Узбекистане функционировали государственные институты, сформировавшиеся в советское время, которые после 1991 г. трансформировались в современные атрибуты государства. По мнению С. Абашина, ссылки на нацию, сконструированную в советское время, были успешно вплетены в концепцию национального строительства после распада СССР [16, с. 196–197]. Предпринятый российскими исследователями анализ новой республиканской идентичности Узбекистана показал, что она повторяет «позднесоветскую модель национального государства», в которой религия находится под контролем государства и вытеснена в бытовую сферу [6, с. 151–152].

Узбекское национальное государство формировалось с опорой на традиции светскости, в котором религия представлена как часть духовности и культуры [8, с. 43]. Светскость стала ключевой идентичностью, на ее основе пропагандировалась гармонизация межнациональных и межрелигиозных отношений. В государственной риторике чаще задействовались следующие элементы узбекской идентичности: коллективизм, семейные ценности, основы взаимной толерантности, построенной на принципах межгрупповой солидарности и др. [17, с. 59].

Приверженность национальным и религиозным традициям являлось важнейшим шагом «на пути самоопределения» [8, с. 138]. В рамках ретрадиционализации происходило повсеместное возрождение традиций и ислама в сфере культурной и бытовой жизни, эти ценности были понятны большинству жителей Узбекистана, что способствовало консолидации населения. Подобный подход являлся одним из инструментов борьбы против исламистской оппозиции. Кроме того, ретрадиционализация в какой-то степени совпадала с советскими ценностями (коллективизм и патернализм).

К 1994–1995 гг. в Узбекистане оформляются основные положения национальной программы, в которой сохранение межнациональной стабильности в Узбекистане было выделено в приоритетное направление обеспечения государственной безопасности [8, с. 68].

Официальный отказ от этноцентризма, законодательное обеспечение прав всех этнических групп, проживающих в республике, воплотился в практике создания условий для этнокультурного и «национального возрождения» всех этнических групп. В первой половине 1990-х гг. основные принципы национальной политики институционализируются, в республике с 1989 г. стали создаваться национальные культурные центры, представляющие собой общественные организации, выражающие интересы представителей разных этнических групп, проживающих в республике. В 1992 г. действовало 10 национальных культурных центров, в 1995 – 72, в 2004 г. – 138 центров [18, с. 35], к ним относятся республиканские, областные, городские и районные национально-культурные центры. Вместе они составляют разветвленную сеть. Деятельность национально-культурных центров (НКЦ) координирует созданный в 1992 г. постановлением Кабинета министров Республики Узбекистан Республиканский интернациональный культурный центр (РИКЦ), который реализует государственную политику в области межнациональных отношений. Основная идеологическая цель мероприятий в рамках РИКЦ и национальных культурных центров заключается в формировании толерантного общества. Нарратив о толерантности узбеков в самый сложный период советской истории – во время Великой Отечественной войны [8, с. 77] – является составной частью национальной идеологии и часто артикулируется в общественном дискурсе и публикациях [19, с. 98].

Русский культурный центр (РКЦ) был создан в 1994 г. и является общественной организацией с разветвленной структурой и сетью подразделений во всех областях, городах и крупных населенных пунктах республики. Основными целями постулируются задачи укрепления межнационального взаимодействия с другими этническими группами, взаимодействие между русской и узбекской национальными культурами, сохранение и развитие духовных ценностей, языка, традиций, обычаев русского народа, оказание содействия всем желающим в углубленном изучении русской истории, языка и литературы. В 2011 г. в республике имелось более 25 отделений Русского культурного центра. Согласно последним доступным официальным данным, в Узбекистане насчитывается около 20 отделений РКЦ.

Деятельность всех национально-культурных центров подчинена идее формирования толерантного общества, значимыми и актуаль-

ными остаются лозунги, пропагандирующую межэтническую терпимость: «Узбекистан – наш общий дом!», «Узбекистан – страна межнациональной и религиозной толерантности!» [18, с. 15].

Определенного консенсуса удалось добиться в этноязыковой политике: в системе образования обучение осуществляется на 7 языках (узбекский, русский, таджикский, казахский, киргизский, каракалпакский, туркменский), пресса – на 12 языках [17, с. 75].

Государство предоставляет возможность для реализации национальных интересов нетитульных этнических групп только в рамках национально-культурных центров, их политическая деятельность в Узбекистане ограничена Конституцией. Создание политических объединений по национальному и религиозному принципу запрещается статьей 57 Конституции Республики Узбекистан [20]. В целом законодательство Республики Узбекистан обеспечивает соблюдение прав всех этнических групп, вне зависимости от национальной и религиозной принадлежности (ст. 18). Но при этом в республике строится узбекское национальное государство, базирующееся на идее ядра узбекского этноса, приоритетного развития его культуры и языка. В паспортах граждан Узбекистана обязательна для заполнения графа «национальность», которая диктует необходимость четко определиться с этнической принадлежностью в 16 лет.

Авторитарный контроль над узбекским обществом, сложившийся в период президентства И. А. Каримова (1991–2016), способствовал регулированию сферы межэтнических отношений, директивно сглаживались острые противоречия, в том числе и языкового характера. Русскоязычное население свободно обращалось в муниципальные органы власти на русском языке. В целом Узбекистан ассоциировался с образцом политической и экономической стабильности в постсоветской Центральной Азии. В исследованиях узбекских авторов справедливо доказывается, что в Узбекистане в 2000-е гг. открытой дискриминации неузбекское население не испытывало [21, с. 32].

Анализ официальной идеологии государства, в которой территориальная идентичность превалировала над этнической [22, р. 111], несмотря на то, что основное внимание государства уделялось узбекскому языку, культуре, искусству, обычаям узбекского народа, истории региона до присоединения к Российской империи в XIX в., также свидетельствует о том, что нетитульные меньшинства в законодательном-правовом плане не испытывали дискриминации.

Таким образом, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Узбекистане начались процессы «национального возрождения», в рамках которых выделялись следующие аспекты: признание узбекского языка государ-

ственным, критика наследия Российской империи и СССР, латинизация узбекского алфавита, десоветизация общественного пространства, обращение к новым историческим героям (Амир Тимур). Кризисные социально-экономические явления проецировались на советское наследие и «доминирующую» в СССР этническую группу – русских. Это стало одной из причин разрастания случаев бытового национализма против русских в начале 1990-х гг.

В период суверенизации в Республике Узбекистан была выработана собственная национальная политика, предусматривавшая сохранение полиэтничного и полиязычного разнообразия. С одной стороны, правительство создало систему национально-культурных объединений, призванных удовлетворить запросы основных этнических групп на национальное самовыражение, но запрещалась их политическая деятельность. Процесс формирования национальной идеологии в Узбекистане оказался консервативным по сложившимся еще в советское время практикам, но отличным по содержанию. Одной из важнейших идентичностей современного Узбекистана является светский характер государства, но суверенизация запустила процессы ретрадиционализации, основное содержание которой совпадало с советскими ценностями (коллективизм, патернализм), ислам остался в сфере бытовой культуры. Национальная политика правительства И. Каримова, авторитарный контроль над узбекским обществом, ряд правительственных актов сняли с повестки дня вопрос о межэтнической розни и дискриминации в Узбекистане. Президент Ш. М. Мирзиёев продолжил курс национальной политики, заложенный во время президентства И. А. Каримова.

Yu. N. Tsyryapkina

National policy in independent Uzbekistan: ideology, strategy and practices of realization

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Annotation. The article discusses the basic principles, strategies and practices for implementing the national policy of the Republic of Uzbekistan. Proves that the main content of the ideology of a sovereign state was the processes of “national revival”, within which the following aspects were distinguished: recognition of the Uzbek language as the state language, criticism of the heritage of the Russian Empire and the USSR, latinization of the Uzbek alphabet, de-Sovietization of public space and etc. The article proves that the process of formation of national ideology in Uzbekistan turned out to be conservative according to the practices established in the Soviet era: the secular nature of the state, Islam remained in the sphere of everyday culture, the activities of national cultural associations and the formation of a tolerant society. At the same time, sovereignization launched the processes of retraditionalization, the main content of which coincided with Soviet values (collectivism, paternalism). **Keywords:** *Uzbekistan, national policy, traditionalism, secularism, tolerance*

Источники и литература

1. Уяма Т. Влияние перемен периода перестройки на становление политических систем стран Центральной Азии: чувство угрозы и авторитаризм // Международная аналитика. 2021. № 12 (1). С. 55–73.
2. Абашин С. Н. Узбекистан после СССР // Звезда. 2015. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2015/8/uzbekistan-posle-sssr.html> (дата обращения 23.08.2022 г.)
3. Хидоятов Г. А. Национальный вопрос в СССР. Труды центра исследований национальных и межнациональных отношений при ТашГУ им. В. И. Ленина. Вып. 1. Ташкент: Узбекистон, 1991. 303 с.
4. Узбекистан: этнополитическая панорама. Очерки. Документы. Материала. Т. I / сост. и отв. ред. А. И. Гинзбург. Москва, 1994. 318 с.
5. Всесоюзная перепись населения 1989 г. по Узбекской ССР. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=4 (дата обращения 25.10.2021).
6. Даудов А. Х., Алимджанов Б. А., Андреев А. А., Шорохов В. А., Янченко Д. Г. Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время в эпоху независимости // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 246–161.
7. Абашин С. Н. Мустакиллик и память об имперском прошлом: проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий // Неприкосновенный запас. 2009. №4 (66). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/4/em-mustakillik-em-i-pamyat-ob-imperskom-proshlom-prohodya-po-zalam-tashkentskogo-muzeya-pamyati-zhertv-repressij.html> (дата обращения 11.05.2022 г.)
8. Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент: Узбекистон, 1997. 315 с.
9. Исхаков Ф. Центральная Азия и Россия в XVIII – начале XX в. Ташкент: OZDAVMATBUOTLITI, 2009. 292 с.
10. Полевые материалы автора. Республика Узбекистан, Ташкент, О., 41 год, татарка, преподаватель.
11. Волосевич А. Подавление студенческих выступлений в Ташкенте в 1992 г.: как это было [20.01.2006]. URL: <https://www.fergananews.com/articles/4192> (дата обращения 31.07.2022).
12. Полевые материалы автора. Республика Узбекистан, Ангрен, Т., 69 лет, русская, пенсионер.
13. Полевые материалы автора. Республика Узбекистан, Ташкент, В., 65 лет, русский, пенсионер.
14. Тишков В. А. Русские в Средней Азии и Казахстане // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 51. Москва, 1993. 22 с.
15. Рахимов М. А., Рахматуллаев Ш. М., Турсунова Р. Ю., Назаров Р. Р. Очерки новейшей истории Узбекистана. Ташкент: Адабиёт учкунлари, 2015. 352 с.
16. Абашин С. Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа/практики // Ab Imperio. 2011. № 3. С. 193–210.

17. Назаров Р. Р. Полиэтнический социум Узбекистана (историко-социологический аспект). Ташкент: Ижтимоий фикр, 2013. 144 с.
18. Узбекистан — наш общий дом. Книга-альбом. Тошкент: «Узбекистон» нашриет-матбаа ижодий уйи, 2004. 223 с.
19. Муртазаева Р. Толерантность как интегрирующий фактор в многонациональном Узбекистане. Ташкент: Узбекистан, 2010. 152 с.
20. Конституция Республики Узбекистан. URL: <https://constitution.uz/ru> (дата обращения 22.06. 2022)
21. Абдуллаев Е. В. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демократизации // Русский мир в Центральной Азии / Под ред. А. А. Князева. Вып. 1. Бишкек, 2007. С. 9–33.
22. Fumagalli M. Ethnicity, state formation and foreign policy: Uzbekistan and 'Uzbeks abroad' // Central Asian Survey. 2007. № 26(1). P. 105–122.

DOI 10.37386/2687-0584-2022-17-276-281

УДК 39 (=512)

И. Г. Черляков

Роль утилитарной функции инноваций в подсистеме жизнеобеспечения северных алтайцев в конце XIX — начале XX в.

МОУ «Тондошенская ООШ», Республика Алтай, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается культурная трансформация северных алтайцев на рубеже XIX–XX вв. В данном процессе выделены механизмы внедрения инноваций. Обозначена роль и значение утилитарной функции инноваций в подсистеме жизнеобеспечения этнической культуры. **Ключевые слова:** трансформация, инновация, жизнеобеспечение, этнос, традиционная культура, Северный Алтай.

Историко-этнографическая литература постоянно делила коренные народы Горного Алтая на две группы: «южные алтайцы» (алтай-кижи, теленгиты и телеуты) и «северные алтайцы» (кумандинцы, тубалары и челканцы) [8, с. 2]. Причинами такого вывода тюркологи считали различия в этнической культуре. Территориально-климатические особенности проживания (Солтонский, Бийский и Красногорский район Алтайского края, а также Турочакский, Чойский и Майминский районы Республики Алтай) и антропологический тип их происхождения. Следовательно, изучение механизмов и функций внедрения инноваций в подсистемы (производственная подсистема, подсистема жизнеобеспечения, соционормативная подсистема и познавательная подсистема) традиционной культуры коренных народов края, отличных друг от друга, имеет большое научное значение [6, с. 42–46]. Механизмы внедрения инноваций содержат несколько основных этапов: селекцию